

ПИСАТЬ сегодня о преступности — все равно, что наполнять переполненную бочку. Информация переливается через край и уже не усваивается. Лавина публикаций захлестнула прессу, читатель растерян — огромный вал преступности катится на него. Явный перебор со стороны средств массовой информации. У нас все так. Все, как у неудачливого игрока в «двадцать одно» — всякий раз перебор.

Внес свой темный мазок в мрачную картину и автор этих строк (вспомните первую статью «Война с преступностью», «СК», 29.VII.89). Но моей задачей было не апатизировать общество, а привлечь внимание правительства. Потому что об актуальнейшей проблеме не говорилось ни на Съезде народных депутатов, ни на первых заседаниях Верховного Совета.

Цель вроде бы достигнута: появилось постановление «О решительном усилении борьбы с преступностью». Остается надеяться, что его не постигнет участь прежних постановлений, таковых, как «Об улучшении снабжения населения продовольственными товарами» и т. д.

Война объявлена. На этом можно было бы успокоиться, но...

Но у меня ощущение, что объявлено она не тому противнику.

Вот к такому парадоксальному выводу я пришел после недолгого наблюдения за «ходом» военных действий. Чтобы объяснить свою мысль, начну издалека. И давайте не будем пользоваться громкими фактами уголовной хроники, рассмотрим события более мелкого масштаба. Преступность нынче коснулась своим крылом каждого, поэтому нет нужды рассматривать ситуацию по стране в целом, возьмем маленький регион, наиболее знакомый автору, — крошечную территорию нашей столицы, ну, например, «Мосфильм».

Многие знают, что наша группа работает над проблемами преступности, и к нам, как и на Петровку, 38, стекаются все факты местной уголовной хроники — что с кем произошло. Посмотрим «мосфильмовскую сводку» за истекшие два месяца и намеренно отберем только самое незначительное (а были и значительные преступления — например, несколько дерзких ограблений квартир ведущих кинематографистов).

Начнем с преступлений кровавых. Работник нашего объединения Юра Шумила чуть не был убит человеком, которого он любезно согласился подвезти до дома. Юру спасли спортивная подготовка, быстрая реакция и забойно приспавшая для подобного случая мойтрора. Защищаясь от ножа, Юра поранил обе руки, у него было разрезано сухожилие, но, обливаясь кровью, преступника все-таки скрутил и сдал в руки милиции. Так что — занимайтесь спортом, развивайте реакцию и... вооружайтесь!

Пришла недавно, вся в слезах, мой монтажёр. Построили они дачу под Москвой (знаю, как строили: каждый день подъем в пять утра — и на электричку, чтобы успеть что-то сделать до службы; и так два тяжелых года). И вот дача наконец построена. Тут является молодой человек, говорит: — Красивая дача. Нужна охрана. — Не надо нам никакой охраны. — Ошибаетесь. А то... Недолго ей и гореть.

Вот такой получился... у супругов летний отдых в новом доме. На дачу они больше не ездят, о том, чтобы везти туда детей, я разговора нет. — Милиция ищет вымогателя.

Меня, кстати, как и начальника МУРа Анатолия Егоров (недавно была его статья в «Неделе»), больше устраивает вот такое исконно русское и абсолютно полное определение этой воровской профессии — вымогатель. Именно «вымогатель», а никак не «рэкетир». Нет нужды нагромождать отечественных подлинных звучных иностранных слов, которое действует на молодых людей самым возбуждающим и вдохновляющим образом. (Некоторые из них уже знакомы с девушками эдаким манером. «Я рэкетир!» — представляет молодой дурак, и девушка млеет от восторга). Так на нас, молодежь шестидесятых годов, действовало слово «космонавт».

Словом «рэкетир» запущено в обиход журналистами. Предлагаю обратиться по мере заглаживания свою вину перед обществом — не употреблять больше в своих репортажах заморское словечко. Посмотрим, получится ли у молодых людей, знакомых с девицами с гордостью произнести фразу: «Я вымогатель!»

Но продолжим перечень происшествий в артистическом мире.

Затянула в кабинет известная актриса. Жалуются соседи не дают жить. «Знают, что мы с матерью ответить не можем, вот и... Обзывают такими словами, что повторить их никак невозможно. А теперь придумали такую забаву: прибили гвоздь к пальке и снизу, со своего балкона, разбивают нам стекла. Я сначала не поняла. «Пулями, — думаю, — пробиты, что ли?»

Чем же вы им не угодили? Ну не нравимся мы им, и все. Не нравимся. А потом... — актриса смущалась: — Я утром саусус за инструментом и распеваясь час-полтора.

Ну тогда понятно! «Тут голова с утра трещит, свет не мил, а эта, плита расфуфыренная, песни поет... Надо проучить!»

Только что разговаривал с девушкой, сотрудницей «Мосфильма». Вышла погулять с собакой. Молодые полочки стали тыкать собаке в нос зажженную сигарету. Хозяйка бросилась защищать своего маленького друга. Все жестоко обошлось, поранили глаз. Глаз удалось спасти, а вот вернется ли полностью зрение — еще неизвестно.

ОТКУДА же появляются на свете эти дивушечки твари? Кто их рождает на свет? Может быть, их родители из тех, кто считает, что мяса в магазинах нет, потому что его сжигают собаки? Из тех, кто разбрасывает в парках отравленную пищу, чтобы собаки «буржуев» посыхали? И вот что характерно. Пострадавшая хозяйка собаки в милицию обращаться не стала. Ездит с муженьком по кварталу, ищет обидчиков. Правильно! Наказание должно быть неотвратимо.

Все-таки не удержался, спросил: «Почему не обратились в милицию?» И услышал что, что ожидал услышать: — А что толку? Ну обратились бы — что их, поймать, что ли? А если поймут, разве делают что-нибудь? Накажут?

Выбирая из «мосфильмовской сводки» происшествия, я намеренно сфо-

ВОЙНА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ХОДОМ

кусировал внимание на мелочевке, потому что считаю — это отнюдь не мелочь. Для меня таинственное исчезновение в самом центре столицы французского милиционера (скорее всего, убитого) и избиение в темном дворе девушки, хозяйки собаки, — события одного ряда. Более того, последнее происшествие гораздо опаснее по своей тенденции.

Без в том, что безнравственность нашего общества достигла того предела, когда многие преступления мы перестали даже замечать, они для нас как бы уже и не преступления.

Унизили человека, оскорбили его, обидели женщину помоями самых бранных слов, возможных только в нашем «великом и могучем» языке, — кому придет в голову обратиться в милицию? Засмеют.

Дали по морде без свидетелей — просто так, ни за что, только за то, что слабее. — ты что, понесешь заявление в суд? Пообежишь за помощью к милиционеру?

Обыкновение нынче без умолку твердит о мафии, об организованной преступности. Слова эти — «мафия», «организованная преступность», «рэкет» — не сходят со страниц прессы. Разрешите не верить в организованность нашей преступности.

Порядка и организованности у нас нет на производстве. Нет в пожарной охране: вызови «пожару» — они приедут без воды. Позови в «скорую помощь» — опоздают на полчаса и вместо кислородной подушки привезут клизму. Порядка и организованности нет даже в армии (кто-то, а киношники с ней сталкивались не раз). А в преступном мире есть?

НЕТ уж, позволяйте не поверить. Так не бывает. Не такая уж она организованная, наша преступность. С ней можно бороться.

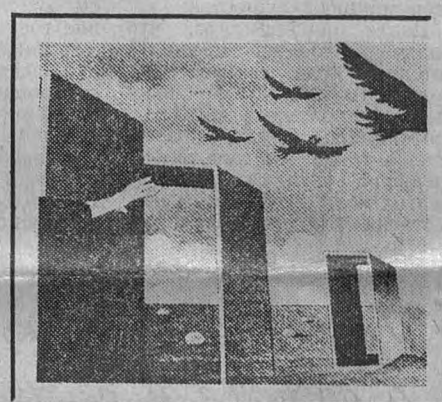
Точнее было бы сказать: у нас есть плохо организованная преступность. Не в состоянии с ней бороться — только еще хуже организованная милиция.

Сейчас пресса усиленно распространяет новую утку: мол, преступники в СССР настолько высокой квалификации, что они себя и за рубежом показали. В частности, в Америке. Что, мол, центром преступного мира Нью-Йорка стала Брайтон-Бич — улица, где живут русские эмигранты.

Бывал я в Бруклине, гулял по Брайтон-Бич, разговаривал с полицейскими, отвечающими за этот участок. Спрашивал их о русской преступности. Пожимают плечами.

Гулял по набережной океана рядом с Брайтон-Бич. Сплошным потоком, как по Дерibasовской, идут русские люди. Типичная Одесса. Милая русская Одесса. Все как в Одессе. Даже музыка в ресторане, названном именем города, такая же громкая, как в Одессе. Только русская кухня получше.

Много пишут в нашей прессе о грязных машинах с бензином, которые устроили русские эмигранты. Мол, американцы не могли додуматься до

разгута преступности только по тяжким преступлениям. Это неправильный и вредный взгляд на проблему.

Недавно по Центральному телевидению выступал президент страны. Касаясь проблем преступности, он как бы наметил главные направления, по которым должна вестись борьба. Цитирую: «...должны быть приняты самые решительные меры, и в первую очередь по отношению к организованной преступности, взяточникам, спекулянтам...».

Не могу согласиться с Михаилом Сергеевичем. Особенно с намеченной

БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

крайняя точка. Предел. Или, как выражаются уголовники в зоне, — Бес-предел.

Вот что такое настоящая преступность.

В конце концов журналиста, литератора понять можно. Он акцентирует внимание на тяжком преступлении, скажем, на обдуманном убийстве, потому что в материале, во-первых, всегда есть элемент сенсационности, во-вторых, наличествует сильный характер (расчетливый и умный убийца), в-третьих, вообще как бы недостойно бойкого пера писать о мелочевке. Труднее понять ученого, который движется подобным путем. К ученому-юри-

ник пресс-центра МВД в пух и прах разбивает доводы Изюмова. Но «разбивает» неудачно. В конце своих рассуждений работник пресс-центра приводит весомое доказательство правоты своего оппонента.

То, что в Англии, Франции, не говоря уж о каком-нибудь Кувейте, уровень преступности значительно ниже, чем у нас, сотрудник МВД не отрицает. Что очевидно, то очевидно. Но зато в США...

Нужно сказать, что миф «Америка — страна преступности» очень популярен у нас в стране. Он крайне вреден, этот миф. Мы так устроены: пока знаем, что где-то, тем более в стране прогресса и цивилизации, пре-

ступность выше, чем у нас, мы не печемся.

Между тем простого поверхностного взгляда на эту страну достаточно, чтобы понять: от преступности она не парализует работу. Все функционирует: работают кондиционеры, движется транспорт, магазины нарастающую, в парках целуются, в ресторанах едят, а не стреляют, счастливые дети гуляют по Диснейленду. Вряд ли какому-нибудь советскому туристу по-счастливилось видеть не то, чтобы драку, но хотя бы пьяного на улице. Божией — сколько угодно, но пьяных нет. Коренное население чуть ли не поголовно вообще бросает пить и курить.

Существуют, правда, две-три столицы (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Вашингтон), где статистика удручающая. Есть кварталы, куда белым ходить не рекомендуется — например, Гарлем. Впрочем, автор этих строк там был (гулял, слушал уличных негритянский оркестр), и ничего с ним не случилось. Возможно, просто повезло.

Но вернемся к статистике и к статье Изюмова, в которой тот утверждает, что мы перегнали Запад. Разбивая доводы Изюмова, пресс-центр МВД приводит такие цифры.

В СССР в 1988 году было зарегистрировано 1 миллион 870 тысяч преступлений, а в США — 13,5 миллиона. Из расчета на сто тысяч человек (именно так принято считать) преступность в США в семь раз выше, чем в СССР: у нас — 657, у них — 5.510.

В семь раз выше! Не шутка.

Далее приводятся такие цифры: у нас отбывают наказание 800 тысяч осужденных. В расчете на сто тысяч человек населения по этому показателю мы примерно сравнялись с США.

Значит, в тюрьмах у них сидит столько же, сколько и у нас. Но преступлений в семь раз больше. По логике и преступников должно быть в семь раз больше. А сидит столько же.

Какой следует сделать вывод?

Американская полиция работает в семь раз хуже советской милиции. Чувствую, что читатель поперхнулся. Сколько ни дурили ему голову Америкой, но что такое американский полицейский, он знает. Хотя бы из

Станислав ГОВОРУХИН

им очередностью. Борьба с организованной преступностью не есть первоочередная задача, стоящая перед правоохранительными органами. Две же другие задачи вообще не разрешимы на сегодняшний момент.

Нельзя успешно бороться со спекуляцией, достигшей неслыханных размеров, пока на прилавках магазинов не появятся нужные населению товары, пока мы окончательно не излечимся от болезни Дефицита. По тем же причинам невозможно результативно бороться со взяточничеством, которое разрослось до еще более устрашающих размеров. Сегодня ничего нельзя достать, не дав в лапу.

Как мы знаем о закулисных махинациях в Нью-Йорке, так американцы осведомлены о темных дебришках, вершащихся в Москве. Вот как обстоят дела с авиабилетами на рейс Москва — Нью-Йорк по свидетельству самих американцев. Очередь на гол-полтора вперед. Человеку без связей вообще не достать билета. Граждане из Закавказья, уезжающие за рубеж, наослепую покупают себе билет на каждую неделю. Если визы ко дню вылета еще нет, билет продается. Изи пропадает. (Кстати, в самолете всегда есть свободные места). Взятка за один билет достигает десяти тысяч!

За информацию не ручаясь. Воз-

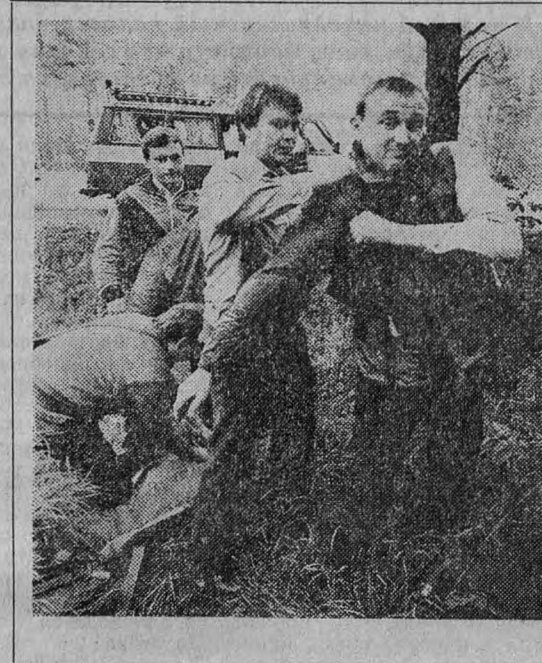
сту прислушиваются на самом верху, его исследования могут лечь в основу политики войны с преступностью.

В 32-м номере «Недели» ведущий криминалог страны доктор наук И. Карпец дает интервью корреспонденту. Среди прочего профессор говорит: «Усиливая борьбу с преступностью, ни в коем случае нельзя... идти по легкому пути, вылавливая «мелкую рыбешку».

«— Профессор! — сказал бы Маяковский. — Снимите очки велосипед!» О чем вы говорите? Неужели вы не понимаете, что именно «мелкая рыбешка» — вор, хулиган, пьяница — отравляют жизнь гражданам, делают ее невыносимой!

Я выхожу из гостиницы маленького провинциального городка и вижу такую картину. С нового, только что купленного «Москвича» снято лобовое стекло, порезан уплотнитель. Рядом стоит убитый горем хозяин — из «бардачка» украдены деньги, документы на машину, права, магнитофон.

Воры, обокравшие машину, по мнению профессора-юриста, — «мелкая рыбешка». А для пострадавшего — злейшие, ненавистные преступники. Ну что ему теперь делать? Парень — слесарь из Магнитогорска, два года работал на Севере, заработал деньги на машину, заработал право купить ее вне очереди. Еще вчера был счаст-

Захват рэкетиров

Фото М. Сердюкова.

такого — разбавлять бензин водой. Додумались! Они до всего раньше нас додумались. Только наши неумехи действовали нагло и неуклюже. Поэтому и оскандальились.

Но вернемся на свою грешную землю. А если представить невозможное? Вот такое: на производстве — анархия, на овощной базе — бардак, в торговле — неразбериха, а в среде преступности — идеальный порядок и организованность. Прямо как на заводах ФРГ или Японии. Что тогда?

И тогда с такой преступностью бороться можно. Организованная преступность — это как бы цивилизованная преступность, она существует во всех цивилизованных странах. И везде с ней борются. Где лучше, где хуже. К тому же интерес честных граждан она, как правило, не затевает. Раз преступность организована, значит, у нее есть структура, есть стратегия, тактика, какие-то свои методы. Это в свою очередь означает, что их можно понять, вычислить, опередить, рассчитать на ход вперед. То есть можно бороться. И бороться успешно. Задача эта по плечу хорошо организованному полицейскому аппарату.

Пожоже, что настроения обывателя, его представления о характере преступности в стране проникли и через кремлевскую стену в палаты Верховного Совета, на заседания временного комитета по борьбе с преступностью. Скорее всего, и там без конца звучат молящие словечки «рэкет» да «мафия», и там судят о масштабах

можно — как мы врем про них, так они врут про нас.

ОРГАНИЗОВАННАЯ преступность представляет серьезную опасность для общества. Но еще страшнее преступность неорганизованная, возникающая стихийно, когда не знаешь, чего ожидать, из-за какого угла тебя подстерегает опасность, когда все возможно.

Если мать волнуется, сходит с ума, когда ребенок задерживается из школы, если муж не находит себе места, выглядывает в окно, спускается на улицу, когда жена опаздывает с работы, если дочь, возвращаясь из театра, звонит матери, та берет соседку, такую же старшую, как она, и две старые женщины выходят на темную улицу встречать девушку — вот это и есть разгул преступности, или, выражаясь ученым языком, опасное состояние уличной среды.

Если молодую девушку среди бела дня тащат в кусты, избивают и насиловуют там, и никто не слышит ее крика, если большого писателя в подъезде собственного дома избивают до полусмерти, чтобы снять джинсы, — это и есть страшный лик уголовного насилия.

Если женщина носит в сумочке пузырек с серной кислотой, потому что знает — никто не заступится за нее, если владельцы автомобилей, не надеясь на милицию, останавливают в гаражах арбалеты и самострелы, а хозяйки квартир расставляют силки и волчки капканы на воров — это все,

див. А сегодня... Лобовое стекло с уплотнителем стоит на черном рынке полторы тысячи рублей! Еще попробуй достать...

Говорят, в истории войн состоялось сражение, в котором был убит единственный солдат. Но для этого солдата это была величайшая война в мире.

Нет, не бывает значительных и незначительных преступлений. Все они одинаково опасны для общества. Не бывает воров маленьких и больших, мелкой рыбешки и крупных хищников. Вор есть вор. «И он должен сидеть в тюрьме!» — говорил мой любимый Глеб Неглов.

КАКУЮ статью, какое исследование о преступности ни возьмешь, везде цифры. Уголовную статистику наконец открыли и теперь ею охотно пользуются, делают на основании ее научные выводы. Но можно ли пользоваться нашей статистикой? Тем более для научных доказательств?

Специалисты говорят, что обычно официальную цифру они умножают на четыре — таким образом учитывается латентная (скрытая) преступность. Не знаю, не знаю. Кабы так — жить еще можно было бы.

В 35-м номере еженедельника «Новое время» напечатана статья Алексея Изюмова, в которой тот утверждает, что уровень преступности у нас гораздо выше, чем в большинстве стран Запада. В вышедшем следом номере «Аргументов и фактов» сотруд-

фильмов. Рассказывать об американском капе можно долго (кап — от слова «капор», каска; раньше полицейские носили каски). Давайте, ради интереса, я опишу вам, что висит у него на поясе. На широком кожаном поясе, чуть пониже брючного ремня. Итак: «Смит и Вессон». Элегантное, легкое, точное, надежное оружие. В открытой кобуре, чтобы вытащить пистолет за секунду. Если же за ручку пистолета дернет преступник, ему не удастся вынуть пистолет из гнезда — внутри есть замок с секретом. Полицейские специально тренируют это движение.

Пойдем дальше: две запасные обоймы с патронами, газовый пистолет или баллон с крепким газом, фонарик с узким сильным лучом, швейцарский перочинный нож в кожаном чехле, портативная радиопередатчик, записная книжка в кожаной сумке, короткая (не как у наших) дубинка, наручники (кстати, страшный дефицит у наших милиционеров).

Экипирован американский кап неплохо. Если сюда добавить внушительный рост, отличную спортивную подготовку (найдите кака курящего подкайского!), если добавить машину, в которой он ездит, оборудованную современной техникой, включая компьютер, если учесть, как дорожит полицейский своей работой (зарплата 44 тысячи долларов в год, плюс льготы, бесплатное медицинское обслуживание), то трудно поверить, что американская полиция хуже нашей. О том, как действуют американские

полицейские в серьезной перестрелке, нам еще предстоит как-нибудь рассказать читателю, а пока вспомним, как действуют наши.

Недавно в программе «Время» милиционеры телезрителей видели эпизод о героическом противоборстве советского милиционера с опаснейшим преступником-убийцей. Помните эти кадры? Убийца приставил пистолет к груди милиционера и спустил курок. Пистолет дал осечку. Потом он выстрелил в милиционера дважды, но не попал — тот спрятался за столбом. И только тут милиционер вытаскил свое оружие и стал стрелять. Но не-гам!

Обратите внимание: преступник — в упор, в грудь, а милиционер — издалека, по ногам.

Каким-то чудом милиционеру удалось попасть в машину, в которую успел сесть преступник — пуля пробила багажник и ранила его. Через день два, обратившись к врачу, преступник был задержан. Повезло. А могло бы быть и по-другому — не повезло. И жестокий садист-убийца гулял бы на свободе.

Недавно в Красноярске произошел такой случай. Двое сотрудников МВД преследовали машину с угонщиками. На их глазах преступники сбили постового милиционера. Удар был настолько сильным, что милиционеру оторвало ногу. Только после убиения преследователи вспомнили об оружии. Они связались по радио с начальством и запросили разрешения стрелять. Стрелять им разрешили. По ко-дессам.

Мы были на похоронах милиционера. Молодой симпатичный парень. Ста-ла вдовой жена, сиротами — дети...

Все, что мы знаем о работе советской милиции, мало убеждает нас в том, что она работает в семь раз лучше американской. Скорее, наоборот: американская полиция действует в семь раз эффективнее.

Но если согласиться с таким допущением, тогда надо признать, что цифра нашей уголовной статистики приумножена в четырнадцать раз!

ПОРА подводить итоги. Надеюсь, у читателя не возникло подозрение, что автор против борьбы с организованной преступностью, что он подкуплен мафией? Надо ли с ней вообще бороться? Представляет ли она опасность для общества?

Надо. Представляет.

Делается что-нибудь для этого?

Безусловно. Создано даже специальное Управление по борьбе с организованной преступностью. Во главе его поставлен решительный и энергичный человек — Гуров Александр Иванович. Пожелаем ему успеха на его трудном поприще.

Но квартиры все-таки грабят не мафия. И машины «разрезают» не мафия. И насилуют — в лифте, в подъезде, в подземном переходе — не организованные группы преступников. И нож к горлу в темном углу приставляет не атаман банды. Что уж говорить о миллионах преступлений, совершаемых по пьянке, по праву сильного.

Отбывшие в идеальных условиях, мурло хулигана, скверноста, пьяницы имеют миллионы рож. Эти наглецы рожи смотрят нам в глаза с каждого перекрестка, из-под шин каждого колеса, у входа на стадион, в парк, на станцию автобослуживания. Как фресоны пожиратели озоны, отчего в атмосфере планеты возникают озонные дыры, так эти ненастные твари глотают кислород, которым дышат здоровые люди. Уже нечем дышать! Моральный климат большого города и маленького поселка становится невыносимым для выживания честного человека.

Что делать с преступностью таких неслыханных масштабов?

Ну, во-первых, надо признать ее за преступность. Признать юридически. Она, эта преступность, и жива-то ощущением своей безнаказанности.

Во-вторых, бороться с ней профессионально. Повышая профессионализм работника милиции, его компетентность, общий уровень его развития. Нужно довести до сведения каждого постового, что не бывает мелкой преступности — и «мелкая рыбешка», и убийцы-насилники одинаково опасны для общества. Первые — по тенденции, вторые — по факту содеянного.

И еще: если в руках у преступника нож, касет, обрез, милиционер должен не бояться — обязан стрелять первым. Иначе мы долго будем совершать печальные обряды по героическим погибшим на посту.

Вот при таком ракурсе рассмотрения проблемы есть шанс оздоровить нравственную атмосферу в стране. Правда, тогда придется распрощаться с умнотворяющей статистикой.

Но из всех возможных путей мы выбираем самый трудный. Так нас учили: жизнь — борьба. Вместо развития профессионализма мы встали на путь бесшабашного дилетантизма. Во многих городах страны создаются рабочие отряды. К борьбе с опаснейшим врагом подключаются десятки тысяч дилетантов. Интересное решение проблемы! И совершенно в нашем, советском стиле: путь неясный, безумно трудный, но зато по нему никто не ходил. Опять мы — первооткрыватели.

Добровольцы-дилетанты, которым предстоит бороться с преступностью, работать не будут. Но предприятия будут выплачивать им зарплату. И это вместо того, чтобы повысить заработки работникам милиции в два-три раза, оснастить милицию всем необходимым, бросить туда лучшие достижения советской и западной техники!

Итак... Попрошу читателя вспомнить известное поговорку художника Брейгеля: группа слепцов под руководством вожака-слепца бодрым шагом идет... к пропасти.

ТЕПЕРЬ должен признать себя тателю, что рассказало я не начинал. Это все было только вступление к нему. Сам рассказ, ради которого я отстал в сторону неоплаченные дела и сел к пишущей машинке, — еще впереди.

Помните, в недавней статье я выразил такую нехитрую мысль: мол, для того, чтобы изучать преступность, не надо нынче нигде ехать — окружающая тебя жизнь сама предоставляет разнообразнейший криминальный материал. Но мы все-таки поехали. Куда — для нас это не имело особого значения. Криминальная обстановка сегодня везде примерно одинакова. Взяли географическую карту, ткнули наугад пальцем и попали... в Пермь.

Об этой интересной поездке мы расскажем в одном из ближайших номеров нашей газеты.

МОСКВА — НЬЮ-ЙОРК, август, 1989.